Погруженный в размышления, я отпираю дверь ключом. Всё должно быть в порядке… Ёсими-сан делает глубокий вдох и открывает дверь.

Раздается лязг, и дверь останавливается.

— Цепь сработала.

Сакурако-сан поднимает брови. Мы с Ёсими-сан быстро переглядываемся и бледнеем.

— О, это проблема. — говорит спокойным тоном мама.

Очевидно, мама не понимает, в чем проблема с запертой дверью.

— Что же нам делать? Как её открыть?

Даже я в курсе, что это глупый вопрос.

— Пожалуйста!

— Ну… в итоге мы получим сломанную цепь. Интересно, сколько будет стоить ремонт? — мама выглядит немного обеспокоенной, поэтому я поспешно хватаю ее за руку. — Что?

Я веду её вниз по лестнице.

— Подумай! Это всего лишь цепочка, а внутри человек!

— Я не хочу этого делать!

Похоже, мама не понимает всей серьезности ситуации. Цепочка — единственное, что мешает нам открыть дверь. Но внутри кто-то есть. Возможно, и не Мидзусима — в комнате не было никаких признаков движения. Мама поспешно достает с заднего сиденья машины ящик с инструментами.

— Я бы хотела спросить…

Пока я вручаю маме инструмент, она выглядит недовольной и расстроенной. Не очень веселая работа, но я знаю, что это единственное, что мы можем сделать. Когда я поднимаюсь наверх, чтобы вернуться к Сакурако-сан, то вижу, что Ёсими-сан трясет. Видимо, Сакурако-сан сказала что-то лишнее. Мне жаль Ёсими-сан, я не знаю, было ли хорошей идеей оставлять их наедине, но что я должен сделать сейчас, так это разорвать цепь.

— Думаю, после этого она порвется.

— Пожалуйста!.. — повторила Ёсими-сан, склонив голову.

В этой просьбе я почувствовал, как сильно она хочет войти внутрь. Я несколько раз сжимаю руки в кулаки и делаю глубокий вдох. Таинственное ощущение, которое вызывает дверная ручка, заставляет меня нервничать и беспокоиться: оно кажется почти нереальным, но я не могу просто уйти. Я не знаю, придется ли это делать полиции, только время покажет. У меня нет другого выбора, кроме как выложиться на полную.

Я медленно приоткрываю дверь. Как и ожидалось, никакого шума из комнаты не доносится. Меня охватывает желание убежать, и я трясущимися руками нащупываю цепочку. Пытаясь поднять цепочку, я вдруг чувствую тепло тела Сакурако-сан, прижавшегося к моей спине.

— Сакурако-сан?

— Раз уж открыли, надо зайти первыми. — Сакурако-сан начинает тайком шептать мне на ухо.

— А?

— Я что-то чувствую, чем-то пахнет. Если ты не хочешь ни о чем жалеть, позволь мне пойти первой.

— Пахнет?..

Прежде чем я успел ответить, Сакурако-сан отодвинулась.

Когда я это говорю, мне становится не по себе. Я принюхиваюсь, но единственный запах, который я ощущаю в подъезде, — аромат сладкой лаванды, немного удушливый. Я больше не могу позволить себе поддаваться на уговоры Сакурако-сан. Решаю постараться максимально сосредоточиться на своей текущей работе. Это не сложная работа, но она требует определенных сил. Я делаю глубокий вдох и крепко сжимаю руки, пытаясь успокоиться.

Мать смотрит на спины Сакурако-сан и Ёсими-сан и сжимает руку в кулак.

Цепь, конечно, твердая, и её нельзя было легко перерезать — следует приложить достаточно силы. Стиснув зубы, я изо всех сил наваливаюсь на цепь, заставляя её прогнуться. Через мгновение в дверь входит Сакурако.

— Сакурако-сан!

Я пытаюсь остановить девушку, но она не обращает на меня внимания, пока я пытаюсь быстро снять обувь. Ничего не поделаешь. Вздыхаю и поворачиваюсь к удивленной Йошими-сан.

— М-м-м... вы не против, если я войду первой?

— Если ты что-то найдешь, будут проблемы... Я не буду ничего трогать внутри!

Хотя это предложение показалось мне абсурдным, Ёсими-сан кивнула.

— Пожалуйста, идите.

Ёсими снова кивнула. Вместо того чтобы кивнуть, обычно склоняют голову.

— Это... ничего?

— Всё в порядке, пожалуйста.

— Но...

Меня охватило смятение, но я чувствовал, что она смирилась с чем-то. Не хотелось бы видеть члена семьи в таком состоянии...

— Всё будет хорошо..." Ёсими-сан выглядит так, будто вот-вот расплачется, но она дважды кивает, краснея. Даже мне показалось, что я не очень хорошо утешаю, но я хочу верить себе.

— Ну тогда... я пошел.

Я кланяюсь Ёсими-сан, прежде чем войти. Снимая обувь, чувствую запах лаванды. Сакурако-сан уже в комнате.

Прихожая почти пустая, нет ни одной пары обуви, кроме нашей.

— Хм...

Несмотря на то, что Сакурако-сан вошла первой, я все равно удивлен состоянием комнаты. Заглядываю в гостиную через полуоткрытую дверь. Невольно вырывается:

— Это... ужасно! — даже с закрытой шторой и включенным электричеством гостиная находится в поистине жалком состоянии.

Я так сразу и подумал. Конечно, это не из-за Сакурако-сан. Сакурако-сан, не издавшая ни звука, не могла за короткое время набедокурить. Вот почему я думаю, что в комнате навели беспорядок ещё до нашего прихода. Гостиная, которая должна быть красивой, настолько

захламлена, что я ничего не вижу.

Разбитый стакан, упавшее комнатное растение, разорванный журнал, развалившийся телевизор, коробка из-под лекарств с открытой крышкой — всё в таком запущенном состоянии, что кажется, будто по комнате пронесся небольшой торнадо.

Я осторожно, стараясь ни на что не наступить, бегу за Сакурако, которая уже вышла из гостиной. Я чувствую себя вором, который копается в чужом имуществе. Мне кажется, что это дурной тон, но надо было что-то делать.

На обложке журнала надпись «Как приготовить домашнее варенье», кажется, тщательно оформленный альбом (позже я узнала, что это скрапбукинг), пакетик чая из специализированного магазина, пустые коробки из британских магазинов, которые были отправлены по почте… Комната Мидзусимы-сан красиво оформлена.

— Сакурако-сан, это, кажется, плохо…

Очевидно, Сакурако-сан отправилась в спальню. Я замечаю, что с дивана упало розовое белье, и отворачиваюсь.

— Где ты?

— Мальчик, я здесь.

Оглядывая комнату, я чувствую, как горят мои щеки. Ответ был получен сзади, поэтому я задаю дополнительные вопросы в направлении звука. В конце концов, сквозь щель в полуоткрытой двери я вижу джинсы Сакурако-сан.

— Не трогай ничего в этой комнате.

Я прислоняюсь к полуоткрытой двери и спрашиваю Сакурако-сан, которая присела перед кроватью.

— Сакурако-сан…

Вместо ответа она снимает свои кожаные перчатки и надевает одноразовые тонкие пластиковые перчатки из кармана. Она прижимает перчатку к запястью.

— Сакурако-сан?! — застываю на месте. В глаза бросилось зрелище, которое я не хотел видеть. — Это…

Почему? Я не могу говорить. Я никак не мог подготовиться к реальному положению дел.

— Неправильно…

Мои колени начинают дрожать и слабеть. Когда я опускаюсь на пол, меня встречает легкий запах аммиака и мертвого тела.

— Она?

Я зажимаю рот и многократно киваю. У ног госпожи Сакурако лежит Мидзусима-сан, верхняя часть тела свисает с кровати.

— Пока не очень сильно пахнет. Если бы не запах аммиака, я бы даже не заметила.

— Что…

От этого зрелища мне хочется усомниться в собственной адекватности. Высунув язык и широко раскрыв глаза, госпожа Мидзусима словно бесконечно переживает мучительную боль. Эта прекрасная Мидзусима-сан… Белый кончик пальца, гладкий и тонкий, сине-черного цвета. На грубой груди видна выпирающая кожа. Я потрясен цветом её кожи, которая стала бледной и полностью обесцветилась. Одновременно с чувством печали в моем сердце возникает жжение.

Это страх, гнев и отвращение. Глаза начинают слезиться, а в животе возникает ощущение, что меня вот-вот вырвет. Все, о чем я могу думать… почему?

Когда близкие друзья или любимые люди внезапно умирают, это вызывает тоскливый и невыносимый страх, а также колющее физическое отвращение. Я реагирую на это печалью и разочарованием, мне становится не по себе, и я закрываю лицо и упираюсь лбом в кровать. Мне ужасно страшно, и я не хочу думать о том, как она выглядела в свои последние минуты. Когда закрываю глаза, её широко раскрытые глаза отчетливо выжигаются в моем сознании. Я уверен, что никогда не забуду этот взгляд.

— Хм. Кажется, есть посмертная синюшность. Это солнечная комната? — спрашивает Сакурако-сан. — Нет… Не думаю, что причина в этом… Похоже, что роговица помутнела, но она не такая сухая, как я ожидал. Зрачки по-прежнему расширены.

Перчатки Сакурако снова издают шлепающий звук. Возможно, она их сняла.

— Понятно. Она жесткая, и живот меняет цвет. Судя по температуре, она, вероятно, умерла в течение последних двадцати четырех часов! — радостно говорит Сакурако-сан, когда я поднимаю голову.

Тот факт, что Сакурако-сан может находить удовольствие в такой вещи, как смерть человека, кажется мне ужасающим.

— Что… Что мне делать? — воскликнула Ёсими-сан.

— Ты должна позвонить в полицию. — отвечает Сакурако-сан.

— А?

— Я имею в виду, что раз здесь валяется труп, то надо вызвать полицию.

— Валяется… — неважно, как она это произносит, но голос Ёсими-сан звучит сердито. — Сакурако-сан!

То же самое пришло мне в голову. У меня кончилось терпение, и я готов накричать на Сакурако-сан. Сакурако-сан, кажется, немного удивлена и поднимает брови, а я смотрю на неё. Я знаю, что Сакурако-сан не собирается быть жестокой, но у неё это получается.

— Ну, во-первых, мы должны обратиться в полицию. Наверное, не стоит слишком трогать вещи в комнате Мидзуси-Киёми-сан. В любом случае, в данной ситуации мы должны позвонить в полицию.

Поскольку Ёсими-сан — это тоже «Мидзусима-сан», я впервые называю её по имени. Я всегда считал, что это имя идеально подходит ей, но сейчас я готов расплакаться от того, что впервые называю её аким прекрасным именем.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает Ёсими-сан.

— Просто… В комнате такой переполох. Возможно, здесь произошло какое-то преступление…

— Ты хочешь сказать, что мою старшую сестру могли убить?

— Я думаю, что такая возможность есть.

— Почему?! Я не понимаю! Старшая сестра…

http://tl.rulate.ru/book/44891/3349972